

«Скучная история»

Во второй половине 1889 года появляется одно из значительнейших произведений Чехова – повесть «Скучная история».

Мы помним, что в предыдущем году у Антона Павловича был замысел рассказа о «мыслящем человеке», который оказывается банкротом в острый момент своей жизни, потому что у него нет мировоззрения.

Настроения и раздумья, вызванные смертью брата, ворвались в этот замысел и изменили его.

Тема мыслящего человека, не имеющего «общей идеи» и поэтому терпящего крах при столкновении с трудными вопросами личной жизни, в «Скучной истории» тесно сплетается с темой банкротства такого человека и перед лицом смерти.

Неизбежность близкой смерти героя окрашивает все настроение «Скучной истории».

Чтобы читатель не отвлекался от главной темы, возраст героя приближен к тому возрасту, когда ожидание смерти не является странным. Герою повести шестьдесят два года.

Для того чтобы подчеркнуть тему страданий мыслящего человека, Чехов делает своего героя известным, ученым, профессором медицины.

Мрачен весь колорит повести.

Наблюдения над умирающим братом, быть может, мысли о собственной болезни, умение художника и врача перевоплощаться в своего «пациента» – все это помогло Чехову нарисовать внутренний мир человека, ожидающего смерти.

В «Скучной истории» два главных лица – старый профессор и Катя, юная женщина, оставшаяся сиротой еще в раннем детстве и воспитывавшаяся в семье профессора. Покойный отец Кати, окулист, назначил профессора опекуном своей дочери. Профессор любит Катю больше, чем свою дочь, любит больше всего на свете. В своей семье он давно стал чужим. Для Кати ее опекун – самый высокий авторитет во всем.

Катя уже успела быть актрисой, потерпеть много тяжелых неудач. Она переживает по-своему те же страдания, что и ее опекун. У нее нет «общей идеи»! Ей необходимо сознание цели жизни, без этого она не может жить. Для старого ученого Катя – единственная радость, но он теряет и ее, потому что не может ответить на ее вопрос, обращенный к нему. Это все тот же классический русский вопрос: что делать? Последний разговор, происходящий между нею и профессором, – разговор, после которого она навсегда уходит из его жизни и, быть может, судя по ее настроению, из жизни вообще, – обнажает страшную внутреннюю пустоту героя повести.

С отчаянием Катя говорит ему: «Николай Степаныч!.. Я не могу дольше так жить! Не могу! Ради истинного бога скажите скорее, сию минуту: что мне делать?..» «Ведь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?»

И он отвечает: «По совести, Катя: не знаю...» «Давай, Катя, завтракать».

Он хорошо понимает ее страдания. «Отсутствие того, что товарищи-философы называют общей идеей, – размышляет он, – я заметил в себе только незадолго перед смертью, на закате своих дней, а ведь душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь!»

Но чем же он может помочь своей любимице, если не может помочь самому себе?

Сущность своих страданий он характеризует точно:

«...сколько бы я ни думал я куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить... и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке,

театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека.

А коли нет этого, то, значит, нет и ничего.

При такой бедности достаточно было серьезного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств и людей, чтобы все то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чем видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья. Ничего же поэтому нет удивительного, что последние месяцы своей жизни я омрачил мыслями и чувствами, достойными раба и варвара... Когда в человеке нет того, что выше и сильнее всех внешних влияний, то, право, достаточно для него хорошего насморка, чтобы потерять равновесие и начать видеть в каждой птице сову, в каждом звуке слышать собачий вой...

Я побежден...»

Потрясающую историю старого ученого, пришедшего перед лицом смерти к выводу, что он не знает, для чего прожил жизнь, Чехов, со своей нелюбовью к громким словам, назвал с к у ч н о й историей. Но если и можно назвать с к у к о й те чувства, во власти которых находится герой повести, то перед нами какое-то еще небывалое расширение самого понятия скуки, – вроде того, как Байрон расширил понятие скорби до мировой скорби.

Чехов, как мы уже сказали, воплотил в своих произведениях поиски и чаяния той части русской разночинной интеллигенции, которая не могла ужиться с буржуазией и буржуазным обществом, чувствуя враждебность этого общества культуре и интеллигенции как таковой, но не знала революционного выхода, была чужда революционному пути.

В «Скучной истории» Чехов остро и глубоко поставил коренные проблемы с у д ь б ы и н т е л л и г е н ц и и в буржуазном обществе. Это общество не может вдохновить интеллигенцию высокими общечеловеческими, общенародными целями, идеалами. В буржуазном обществе даже лучшая, честная интеллигенция обречена на идейное интеллектуальное, психологическое измельчание, вырождение, на духовную пустоту, которая означает д у х о в н у ю с м е р т ь . Избавлением от этой «скучной истории» может быть только обретение больших социальных идеалов, которые не могут быть выдвинуты «хозяевами» буржуазного общества.

Отсутствие целостного представления о мире, сознания смысла жизни, живой связи с людьми, разорванность мыслей и чувств, существующих «особняком», раздробленность сознания – все это неизбежно в обществе, раздробленном на отдельные частички, в обществе, невдохновленном единой целью, о б щ е й и д е е й . Особенности эпохи, напряженно ищущей, под гнетом реакции, новых целей, новых идеалов, тоска художника, не могущего жить без великой, вдохновляющей идеи, — все это дало возможность Чехову поставить тему, имеющую не временное, преходящее, а широкое, мировое значение.

Так подтверждался закон о том, что художник, умеющий глубоко выразить главные темы своего времени, тем самым создает произведения, далеко выходящие за рамки своей эпохи.

В эпоху упадка, безидейности и обывательщины среди большей части интеллигенции Чехов и его герои мучительно тоскуют по «общей идее».

Чехов не хотел быть в положении своего героя, отвечающего на вопрос «что делать?» честным, но бессильным: не знаю! Читателю мало было знать, что писатель честен. Ему надо было знать, ч т о д е л а т ь . И Чехов чувствовал себя обязанным ответить на этот вопрос.